

ЕЛЕНА КАРАБЕГОВА

КОННОТАЦИЯ "ЗАПАД - ВОСТОК" В
 НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX — XX ВВ.

Проблема осмысления и осознания географического пространства своей страны всегда имела большое значение для формирования национального менталитета. Названия географических реалий могут получать в языковой практике самые разнообразные коннотации — и обозначать при этом события в истории и культуре данной страны. Эти топонимы, связанные с какими-либо историческими событиями, вызывают в сознании носителя языка определенные ассоциации и, таким образом, эти топонимы получают коннотации.

Исследование коннотации, возникающей в языке в связи с проникновением в национальное сознание немцев представлений о Востоке, представляет определенный научный интерес, поскольку восприятие "восточных" реалий осуществлялось в Германии начиная со Средневековья иными путями, чем, скажем, во Франции или Англии (которая, как известно, уже в XVI веке по яркости одежд и любви к экзотическим украшениям могла бы сравниться с какой-нибудь восточной страной!)

Знакомство немцев с Востоком (Средней Азией, Индией, Китаем и Ближним Востоком) долгое время было достаточно ограниченным и в первую очередь по той причине, что торговые связи с этими странами были сильно ограничены и в большинстве случаев опосредованы. Торговля велась через Италию, где, к примеру, Венеция была перекрестком торговых

путей западного и восточного мира. Эпоха крестовых походов положила начало не только бесконечным войнам, но и контактам Запада и Востока в экономической, политической и культурных областях. Однако исторические судьбы германских государств сложились так, что германское рыцарство почти не принимало участия в этих походах. Торговля же могущественного Ганзейского союза так же носила посреднический характер и связывала страны Северной, Западной и Восточной Европы.

Все это обуславливало то, что изучение Востока в Германии шло очень медленными темпами. Так, например, "Восточное общество" было основано только в 1845 году (первое заседание в г. Галле в 1845г.), были налажены контакты с Академиями Наук в Берлине, Мюнхене, Ст.Петербурге, а так же с подобными Обществами в Англии и Франции. И уже к 10 марта 1847 года было издано 155 печатных работ этого Общества.

Восток долгое время воспринимался германским национальным сознанием как далекий экзотический мир, изобилующий сказочными чудесами и богатствами. Такое представление о Востоке отразилось в фамилии "Pfeffersack", "мешок с перцем", в которой обозначение большого количества этой экзотической пряности стало синонимом богатства (мешок с перцем мог считаться хорошим приданым для дочери богатого купца).

В XVIII веке Восток воспринимался европейскими просветителями в первую очередь как удобный материал для философской утопии, выступающей как антитеза европейским державам ("Персидские письма" Монтескье, "Золотое зеркало или Короли Шешiana" Виланда и т.д.). Большое значение имел также перевод на европейские языки сказок "1001 ночи". Научное изучение Востока европейцами начнется в конце XVIII века, в частности, в трудах Гердера, и, в особенности, после египетских походов Наполеона.

Но в сознании немцев Восток долгое время нередко оттеснялся и подменялся другим географическим понятием — Италией.

Экономические, политические и культурные связи между Германией и Италией уходят корнями в глубокую древность, когда на рубеже двух эр начинаются походы римлян в германские земли, затем их частичное отступление и наступление германских племен на Рим, завершившееся двумя его захватами в V веке н.э. В Средние века территория Священной Римской империи германской нации включала в свой состав и некоторые государства северной Италии. Германское присутствие в Италии сыграло известную роль в политике (в частности, знаменитые флорентийские партии гиббелинов и гвельфов восходят к германским дворянским родам, а любимый герой немецкого народа Дитрих Бернский, появляющийся также и в "Песне о Нибелунгах", был королем остготов в Вероне).

Но итальянская коннотация возникает в национальном сознании немцев и отражается в научных исследованиях и литературе уже в XVIII веке, когда патриотически настроенные и стремящиеся к объединению страны путем создания единой культуры немецкие просветители видели в Италии наследницу демократических свобод древней Греции и страну великого искусства.

Так, все реалии в стихотворении Гете "Миньона" (лимоны, померанцы, мирт, лавр, залы с колоннами, мраморные скульптуры, теплый ветер, крутые скалы) свидетельствуют о том, что здесь подразумевается Италия, но путь должен увести к вершинам скал и — в никуда.

Тема Миньоны и Арфиста, тема искусства в современном мире, получает оттенок трагизма и связывается с недостижимым идеалом. Таким образом, в первом крупном романе Гете "восточная", "итальянская" коннотация получает значение "недостижимый, неосуществимый идеал", предвосхищая в

известной степени идеал немецких романтиков. И Миньоне, героине первой части дилогии "Вильгельма Мейстера", предстоит умереть совсем юной.

В литературе романтизма направление "к Италии" получает еще более широкую коннотацию. Герой, путешествующий в этом направлении, даже если он не пересек границу Германии, и не называет открыто Италию,— совершает свой путь становления как творческая личность, поэт и художник. Так, из Германии в Швабию, с севера на юг, по направлению к Италии, лежит путь Генриха фон Офтердингена, это путь, символизирующий его познание самого себя как поэта.

Франц Штернвальд, герой романа Л. Тика "Странствия Франца Штернвальда", молодой живописец, ученик великого Альбрехта Дюрера, направляется из Нюрнберга через Фландрию в Италию. И этот путь так же обретает идеологическое значение — как открытие в самом себе поэта и художника, как осознание своего места в окружающем мире.

Коннотация "Германия — Италия" получает многочисленные вариации в прозе немецкого романтизма. Так, в романе Э.Т.А.Гофмана "Эликсиры сатаны" молодой монах Медард уходит из своего монастыря в широкий мир, и один из его путей приводит его в Рим.

Но в связи с общей политической оценкой современной Европы меняется и восприятие Италии — символом ее становятся страшные подземелья монастыря доминиканцев, где происходит казнь ни в чем не повинного старого монаха, с которым был знаком Медард.

В последующие периоды развития немецкой литературы эта коннотация получает наиболее яркое воплощение в творчестве Томаса Манна, в романах "Волшебная гора" и "Избранник".

Главному герою "Волшебной горы" Гансу Касторпу, потерявшему дорогу во время лыжной прогулки в швейцарских

Альпах, в галлюцинациях является образ Италии как призыв к жизни. — "Во имя любви и добра человек не должен позволять смерти господствовать над его мыслями"¹.

Следует отметить, что в немецкой науке в XX веке начинается глубокое изучение Востока, его философии и культуры. Но в литературе продолжает сохранять свое значение Восток как обобщенный символ цивилизации и мировой культуры, которая должна противостоять разрушениям и войнам.

В романе Г. Гессе "Паломничество в страну Востока", вышедшем в свет в 1932 году, накануне Второй мировой войны, "страна Востока" получает, пожалуй, наиболее многообразную, "многоликую" коннотацию по сравнению с "восточными" образами и символами предыдущих эпох. Десять членов таинственного Братства совершают это паломничество, преследуя при этом как общую великую и тайную цель, так и каждый свою личную. При этом "страна Востока" в контексте романа Гессе только в последнюю очередь может быть истолкована как географическое понятие. "Наша страна Востока была не просто страна, не географическое понятие, но она была отчизной и юностью души, она была везде и нигде, и все времена составляли в ней единство вневременного".² Паломничество, прежде всего, символизирует путь художника к самому себе, открытие и познание своего творческого "Я". Так, переосмысливается и возводится на новый уровень путешествие Гериха фон Офтердингена из романа Новалиса (который не раз прямо или косвенно упоминается в книге Гессе). Далее, паломничество ограничивается сравнительно небольшой территорией — между Швабией и Италией, по которой двигаются, возвращаясь назад и перемещаясь в другие эпохи, члены Братства. Как отмечает Р.

¹ Т.Мани. Волшебная гора. В кн.: Т. Мани. Собр.соч. в 10 томах т. 4, М., 1959, стр.216.

² Г.Гессе "Паломничество в страну Востока", в кн.: Г.Гессе "Степной волк", Новосибирск, 1990, стр. 287

Каралашвили, "паломничество" порождается не внешним передвижением в конкретном географическом пространстве, а динамикой внутренней жизни, душевными переживаниями писателя"³. И эти душевные переживания осмысливаются автором как "совокупность и синтез всего душевно пережитого времени", это... "время – пространство, где нет 'до' и 'после', а есть только 'сейчас', есть настоящее, впитавшее, переработавшее и преобразовавшее прошлое и будущее"⁴. Но это спрессованное в единое целое настоящее, прошлое и будущее мыслится Гессе еще и как обобщенный символ мировой цивилизации и культуры. Когда над реальным миром нависает угроза войны, душа творческой личности становится прибежищем и хранилищем культурных ценностей.

В литературе Германии XIX века коннотация понятия "Восток" претерпевает целый ряд изменений и ее диапазон все больше расширяется. При этом обращает на себя внимание следующая закономерность: чем больше объективных научных знаний о реальном Востоке, о географическом и экономическом положении, о культуре и философии Китая, Индии и других стран Востока обретают и накапливают ученые Германии, тем более "абстрактными" становятся "восточные" мотивы и образы в отдельных произведениях немецких писателей, и их коннотация получает предельно широкий и во многом абстрактный смысл.

³ Р. Каралашвили "Мир романа Германа Гессе", Тбилиси, 1984, стр. 187-8.

⁴ Р. Каралашвили, там же, стр. 231.